Вестник Тюменского государственного университета.
Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Том 1. № 2(2). 156-162

© С. Ш. КАЗИЕВ
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева
sattarkaz@mail.ru

УДК 94 (574) «19»

ДИСКУССИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В КАЗАХСТАНЕ (1925-1928 гг.)

DISCUSSIONS ON NATIONAL POLICIES IN KAZAKHSTAN (1925-1928)

Настоящая статья посвящена дискуссиям в республиканском руководстве по вопросам национальной политики в Казахстане во второй половине 1920-х гг. Формировавшиеся в ходе осуществления национально-государственного строительства и реализации политики коренизации национальные кадры стремились к воплощению в жизнь идей строительства национального государства. Конфликт сторонников противоположных социальных проектов завершился разгромом национальной оппозиции в 1928 г.

This article is devoted to the discussions among the republican authorities on national policy in Kazakhstan during the second half of the 1920s. National personnel managers who emerged in the course of nation-building and implementation of indigenization process sought to embody the ideas of national state construction. The ban on the relocation of the European part of the country, attempts to maintain the practice of indigenization and prevent the destruction of the nomadic communities led to the conflict with national communists supporters, rigid centralization, and class struggle led by the F.I. Goloshekin. The conflict between the supporters of opposing social projects finished in a defeat of national opposition in 1928.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Коренизация, казахи, национал-уклонизм, Н. Нурмаков, Ф. И. Голощекин.

KEY WORDS. Indigenization, Kazakhs, National deviationism, N. Nurmakov, F. I. Goloshchekin.

В мировой истории советская национальная политика является беспрецедентным явлением. Советские вожди решительно пошли на кардинальные шаги, направленные на решение национального вопроса в стране. В их числе были национально-государственное строительство, коренизация и урегулирование отношений по вопросам землеустройства. Американский историк Р. Суни исходит из верности советского руководства идеологии равенства народов и полагает, что большевики, являясь сторонниками экономического детерминизма, действительно считали необходимым поднять культурный уровень отсталых народов до уровня развития передовых европейских наций. С этой целью, пишет Р. Суни: «СССР начал политику, которая была названа программой аффирмативных актов (позитивной дискриминации. — *С. К.*), предоставлявшую привилегии коренным жителям на их собственных национальных территориях» [1, p. 109].

© ФГБОУ ВПО Тюменский государственный университет

В результате национальной политики большевиков усилились позиции национальных элит, созданных в ходе коренизации, произошли конструирование этнонационального самосознания и укрепление прежде зыбких и «текучих» этнических границ между этнонациями. Т. Мартин обращает внимание на тонкое и глубокое знание Лениным и Сталиным социальной психологии масс, и потому национальная политика большевиков делала упор на завоевания доверия населения: «Реализация этой политики должна была сделать советскую власть “родной”, “близкой”, “народной” и “понятной”» [2, с. 70-71].

Цели политики коренизации были определены на XII съезде партии в 1923 г., на котором широко обсуждались национальные проблемы. Поставленная на съезде задача устранения хозяйственного, культурного и политического неравенства народов потребовала создания нового социалистического аппарата. В истории коренизации в зависимости от изменения политических установок можно условно выделить четыре этапа. Первый этап длился с 1923 по 1926 г. Коренизация на первом этапе охватила управленческий аппарат и проводилась методом процентной коренизации. Второй этап начинается в мае 1926 г. с переходом к функциональной коренизации аппарата управления. Третий этап длился с осени 1929 до января 1933 г. В это время краевое руководство обращается к проблеме коренизации производства. По мнению А. Беннигсена, в этот период из-за поражения национал-коммунистов стало возможным свертывание прежней практики коренизации под предлогом необходимости индустриализации и привлечения на административные посты квалифицированных работников из числа русских [3, p. 90]. Одновременно проводятся чистки партийно-государственного аппарата в рамках борьбы с «национал-уклонизмом». Четвертый этап с весны 1933 по 1936 г.) характеризуется попыткой нового краевого руководства во главе с Л. И. Мирзояном завершить коренизацию партийно-государственного аппарата на основе процентной коренизации.

На первом этапе коренизация аппарата шла методом процентной нормы, предполагавшим проведение практики позитивной дискриминации русского населения. В каждом учреждении устанавливался обязательный процент штата казахских работников. Номенклатура должностей, подлежащих обязательной коренизации, не оговаривалась. Политика позитивной дискриминации вызывала недоумение и сопротивление не только «европейских» ответственных работников, но и широких слоев русского населения, переносивших неприязнь и обиды на титульное население [4, с. 194].

Преобладание в высшем руководстве края позволило национал-коммунистам смелее проводить практику этнических преференций в землеустройстве населения. С конца 1923 г. землеустройство стало проводиться исключительно в пользу казахского населения, о чем было открыто и недвусмысленно заявлено краевым руководством [5, с. 255]. 19 апреля 1925 г. решением V Всеказахского съезда Советов было запрещено самовольное переселение в Казахстан. Все прибывшие после 31 августа 1922 г. переселенцы исключались из порядка землеустройства. V Всеказахская партийная конференция одобрила февральскую резолюцию краевого руководства. Решениями высшего советского и партийного органов республики была установлена следующая очередность землеустройства: после первоочередного наделения землей казахов земельные наделы могли получить переселенцы, прибывшие в край до 1918 г.; вторая очередь состояла из

самовольных переселенцев, прибывших до 31 августа 1922 г.; в последнюю очередь на земельный надел могли рассчитывать самовольные переселенцы, прибывшие между 31 августа 1922 г. и 7 августа 1924 г. [6, с. 311].

Национал-коммунисты указывали на избыточное давление крестьян из Сибири. Казахские коммунисты опасались, что возобновление крестьянского переселения кардинально изменит этнодемографический состав населения и создаст предпосылки для новых территориальных изъятий, как это имело место с выводом из республики Оренбургской губернии в 1925 г., последующими передачами соседним российским областям Илекского уезда Актюбинской губернии и Черлакского уезда Акмолинской губернии. По поводу передачи Оренбургской губернии Председатель СНК КАССР Н. Нурмаков выразил недоумение постановкой самого вопроса о преобладании русского населения, заявив, что это не довод, т. к. «…во всех землях Казахстана половина населения — русские. У нас несколько уездов, в них 60 процентов русские. Какая целесообразность отделения их от Казахстана и присоединения к губерниям РСФСР? Мы должны выразить свое принципиальное несогласие с этим, не можем с этим согласиться» [7, с. 27]. Нурмаков также осудил планы выделения из республики отдельных территориальных единиц русского населения и передачу их в состав РСФСР, заявив, что это будет означать угрозу существования самой национальной государственности: «Мы не должны этого допустить ни при каких условиях, потому что, повторю, попустительство дальнейшему отделению может стать причиной распада, ликвидации Казахской республики и всех наших достижений» [8, с. 94].

Обострение межэтнических конфликтов не входило в планы союзного руководства после отхода от власти Ленина, усилившего давление на национал-коммунистов. Первый кризис политики интернационализма середины 1920-х гг. вынудил союзное руководство во главе со Сталиным перейти к этнически нейтральной политике в национальных республиках, сделав упор на классовые приоритеты.

В Казахстане «смена вех» советской национальной политики ассоциируется с личностью Ф. И. Голощекина. Направление Голощекина в Казахстан было результатом острой борьбы между казахскими коммунистами. До национально-территориального размежевания 1924 г. в партийно-государственном руководстве краем существовали противоборствующие западная и восточная группировки [9].

В мае 1924 г. конфликты между группировками обострились. Союзное руководство отозвало из республики Г. А. Коростелева и направило в сентябре 1924 г. старого большевика В. И. Нанейшвили, имевшего опыт работы в национальном регионе. Новый краевой руководитель столкнулся с появлением «туркестанской» группировки во главе с С. Ходжановым, считавшим необходимым консолидацию республики вокруг южного региона. Нанейшвили нелестно отзывался о Ходжанове, считая его настоящим «национал-уклонистом» [10]. В сентябре 1925 г. Нанейшвили был отозван в Москву и в республику направлен верный сталинский кадр Ф. И. Голощекин.

Сам Голощекин придавал своему назначению судьбоносное решение. Он неоднократно заявлял, что историю Советского Казахстана можно разделить на два этапа — до и после его назначения. На первом этапе «с 1920 по 1925 годы

преобладали национальные моменты над классовыми… Это время группировок, время идеологии Алаш-Орды. С 1925 года классовые моменты преобладают над национальными» [11]. Голощекин обвинял национал-коммунистов в первой половине 1920-х гг. приверженности идеям алашевских лидеров и групповщине, имеющейся на всех уровнях, от низовых партячеек до руководства Казкрайкома [12, с. 25]. Первоначально Голощекин лавировал между требованиями центра и местной элиты, стараясь ослабить связь национал-коммунистов и алашевцев [8, с. 92]. Но вскоре риторика партийного главы республики изменилась. В своем отчетном выступлении на Бюро Казкрайкома РКП(б) Голощекин заговорил о наличии в республиканской партийной организации националистического и шовинистического уклонов. Русские коммунисты были обвинены в шовинистическом уклоне, казахские партийцы — в нахождении под влиянием Алаш-Орды, объявленной «безусловно контрреволюционной силой» [13, с. 23].

20 мая 1926 г. Президиум КазЦИК осудил процентную коренизацию и ликвидировал комиссию по коренизации с передачей дел в Наркомат РКИ. Голощекин настаивал на коренизации только государственного и советского аппаратов, считая, что подбор кадров в партаппарате является прерогативой союзного ЦК. Против перехода к функциональной коренизации выступили члены Бюро Казкрайкома ВКП(б) С. Садвокасов и Ж. Мунбаев, потребовавшие завершения работы по укомплектованию аппарата казахскими работниками [14].

Конфликт между Голощекиным и национал-коммунистами вылился в открытую форму в сентябре 1926 г., когда на закрытом заседании члены Президиума Казкрайкома С. Садвокасов и Ж. Мунбаев подвергли критике Голощекина, обвинив его в диктаторстве и угнетении национальных кадров [15]. Садвокасов на заседаниях Казкрайкома решительно выступал против планов разжигания классовой войны в казахском ауле и конфискации байских хозяйств, являвшихся экономическом ядром этого аула [16].

Острая дискуссия по вопросам дальнейшего социально-экономического развития республики развернулась в 1927-1928 гг. 8 февраля 1927 г. Президиум ВЦИК РСФСР уравнял в правах на землепользование казахское население и крестьян-переселенцев [17]. Однако краевое партийное руководство отказалось выполнять решение высшего органа власти. Казахские коммунисты опасались, что отмена запрета на землеустройство переселенцев откроет Казахстан для новой волны переселения русских крестьян. 8 июля 1928 г. Бюро Казкрайкома ВКП(б) опротестовало решение ВЦИК РСФСР и, отвергнув проект Голощекина, предлагавшего уравнять все национальности в праве на наделение землей, подтвердило первоочередное право казахского населения на землеустройство за счет государства.

В августе 1927 г. Президиум ВЦИК РСФСР создал специальную комиссию по урегулированию межнациональных отношений в Казахстане. Комиссия рекомендовала начать отчуждение излишков земли у казахского населения [18]. В ноябре 1927 г. состоялась VI Всеказахская конференция ВКП(б), посвященная межнациональным отношениям в республике. Присутствовавший представитель Союзного ЦК А. Андреев, выступив с докладом о борьбе с антипартийной оппозицией в стране, обрушился с разгромной критикой на членов Бюро Казкрайкома партии Садвокасова, Мунбаева и Султанбекова, обвинив их в национальном уклоне. Андреев заявил: «…Я буду за то, чтобы

землеустройство в Казахстане проводили на классовой основе, на основе объединения бедняка и середняка казахского и русского против кулака и бая... Классовое преимущество должно быть. Тут вопрос о преимуществе законный. А когда вопрос о преимуществе ставится между русским и коренным населением, это незаконная постановка» [19]. В ответ Ж. Мунбаев заметил: «Мы семь лет терпим угнетение. Дальше терпеть этого не можем. Дайте нам самим управлять страной» [20, с. 171]. Под давлением сторонников «жесткой» линии VI Всеказахская конференция ВКП(б) осудила лидеров национал-коммунистов и одобрила линию на устранение национальных преференций в вопросах землеустройства.

Сопротивление новому курсу после поражения «национал-уклонистов» в Казкрайкоме оказало среднее звено управленческого аппарата. Принятые решения были заблокированы республиканским Наркомземом и местными органами власти. Нарком по земледелию Ж. Султанбеков открыто назвал решения VI республиканской партконференции «колонизаторскими», подготовленными бывшими чиновниками дореволюционного переселенческого управления [21, с. 329]. В мае 1928 г. ЦК ВКП(б) принял решение о проведении чистки партийного и советского аппаратов в Казахстане. В результате чистки в аппарате окружных комитетов было снято с должностей 116 человек (19,5% от штата работников).

Уроки полемики по решению национального вопроса в партийном руководстве Казахстана показывают, что с середины 1920-х гг. возобладали централизаторские тенденции в управлении страной. «Националистический НЭП» постепенно сворачивался путем внесения изменений в коренизацию и открытие Казахстана для новых волн переселения. Национальная политика в стране становится этнически «нейтральной», направленной на коренную социальную трансформацию всех советских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Suny R. G., Naimark N. M. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford: Stanford University Pr., 1993. 224 p.

2. Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // Ab Imperio, Theory and History of Nationalism and Empire in the Post-Soviet Space. 2002. № 2.

3. Bennigsen A., Wimbush S. E. Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago: The University of Chicago Pr., 1979. 304 p.

4. Мартин Т. Террор против наций в Советском Союзе // Коммунизм. Террор. Человек. Киев: Оптима, 2001. 195 с.

5. В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана: Документы и материалы 1920-1937 гг.. Алма-Ата: Казахстан, 1972. 690 с.

6. V Всеказахская конференция ВКП(б). Стенографический отчет и резолюции. Кзыл-Орда, 1925. 388 с.

7. Кыдыралина Ж. У. Нация и история. Астана: Елорда, 2009. 304 с.

8. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.

9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 234. Л. 21.

10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 24. Л. 22-23.

11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 27. Л. 2.

12. Голощекин Ф. И. Партийное строительство в Казахстане: сборник речей и статей (1925-1930 гг.). М.; Алма-Ата, 1930. 344 с.

13. Голощекин Ф. И. Отчет Казакского Краевого Комитета РКП(б). Кзыл-Орда: Казгосиздат, 1926. 28 с.

14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 83. Л. 130-133.

15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 3. Л. 58-61.

16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 178. Л. 16-24.

17. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 43. Д. 61. Л. 1-2.

18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 10. Л. 111.

19. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 464. Л. 93.

20. VI Всеказакская конференция ВКП(б). 15-23 ноября 1927 г. Стенографический отчет. Кзыл-Орда: Казкрайком ВКП(б), 1927. 387 с.

21. Кучкин А. П. Советизация казахского аула (1926-1929 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1962. 432 с.

REFERENCES

1. Suny, R. G., Naimark, N. M. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford: Stanford University Pr., 1993. 224 p.

2. Martin, T. Imperija pozitivnogo dejstvija: Sovetskij Sojuz kak vysshaja forma imperializma? [The empire of affirmative action: the Soviet Union as the highest form of imperialism?] // Ab Imperio, Theory and History of Nationalism and Empire in the Post-Soviet Space. 2002. № 2. Pp. 55-87. (in Russian)

3. Bennigsen, A., Wimbush, S. E. Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago: The University of Chicago Pr., 1979. 304 p.

4. Martin, T. Terror protiv nacij v Sovetskom Sojuze // Kommunizm. Terror. Chelovek [Terror against nations in the Soviet Union // Communism. Terror. Man]. Kiev: Optima, 2001. 195 p. (in Russian)

5. V bratskom edinstve narodov SSSR. Gosudarstvennoe stroitel'stvo Sovetskogo Kazahstana: Dokumenty i materialy 1920-1937 gg. [In the fraternal unity of the peoples of the USSR. State-building of Soviet Kazakhstan: Documents and Materials 1920-1937]. Almaty: Kazakhstan, 1972. 690 p. (in Russian)

6. V Vsekazahskaja konferencija VKP(b). Stenograficheskij otchet i rezoljucii [V All-Kazakh Conference of the CPSU (b). Verbatim record and re-resolution]. Kyzyl-Orda, 1925. 388 p. (in Russian)

7. Kydyralina, Zh. U. Nacija i istorija [Nation and History]. Astana: Elorda, 2009. 304 p. (in Russian)

8. Martin, T. Imperija "polozhitel'noj dejatel'nosti". Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923-1939 [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939]. M.: ROSSPEN, 2011. 855 p. (in Russian)

9. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 17. Op. 11. D. 234. L. 21. (in Russian)

10. RGASPI. F. 17. Op. 31. D. 24. L. l. 22-23. (in Russian)

11. RGASPI. F. 17. Op. 25. D. 27. L. 2. (in Russian)

12. Goloshchekin, F. I. Partijnoe stroitel'stvo v Kazahstane: Sbornik rechej i statej (1925-1930 gg.) [Party building in Kazakhstan: Collection of speeches and articles (1925-1930)]. M.; Alma-Ata, 1930. 344 p. (in Russian)

13. Goloshchekin, F. I. Otchet Kazakskogo Kraevogo Komitete RKP(b) [Report of the Provincial Committee Kazakskogo RCP (b)]. Kzyl-Orda: Kazgosizdat, 1926. 28 p. (in Russian)

14. RGASPI. F. 17. Op. 25. D. 83. L. 130-133. (in Russian)

15. RGASPI. F. 17. Op. 25. D. 3. L. 58-61. (in Russian)

16. RGASPI. F. 17. Op. 25. D. 178. L. 16-24. (in Russian)
17. GA RF [State Archives of the Russian Federation]. F. R-1235. Op. 43. D. 61. L. 1-2. (in Russian)
18. RGASPI. F. 17. Op. 25. D. 10. L. 111. (in Russian)
19. GA RF. F. R-1235. Op. 105. D. 464. L. 93. (in Russian)
20. VI Vsekazakskaja konferencija VKP(b). 15-23 nojabrja 1927 g. Stenograficheskij otchet [VI All-Kazakh Conference of the CPSU (b). 15-23 November 1927. Verbatim Report]. Kzyl-Orda: Kazkraykom VKP(b), 1927. 387 p. (in Russian)
21. Kuchkin, A. P. Sovetizacija kazahskogo aula (1926-1929 gg.) [The Sovietization of the Kazakh aul (1926-1929)]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 432 p. (in Russian)

Автор публикации

Казиев Саттар Шарниязович — старший преподаватель кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (Петропавловск), кандидат исторических наук

Author of the publication

Sattar Sh. Kaziev — Senior Lecturer Department of History and Socio-Humanities North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev (Petropavlovsk), Cand. Hist. Sci.